Горечь пепла

Автор:
Эллен Фоллен

Горечь пепла

Эллен Фоллен

Александра Астафьева

Братья Коулмен #1

Они были поглощены любовью и не могли представить, что когда-нибудь смогут испытать на себе предательство. Он забывается в компании привлекательных и безотказных женщин, она – погружается с головой в своё любимое дело. Он понятия не имеет, как ему отпустить прошлое и продолжать жить дальше, пока она пытается жить настоящим. Он ни за что бы не заметил её в толпе среди прохожих, она, в свою очередь, не стала бы тратить своё время на такого, как он. И, если бы его брат не обратил однажды на неё внимания? Не случись несчастье, которое их объединило. Что было бы тогда?

Содержит нецензурную брань.

Фели Сити, Ellen Fallen

Горечь пепла

Пролог

Кейн

– Хочешь меня? – я фокусируюсь на пухлых губах, накрашенных ярко-красной помадой. Она еще спрашивает. Да я почти весь вечер, пока она танцевала, пялился на ее зад, сиськи и…черт, я не обращал внимания на ее личико. Как она выглядит?

Поднимаю свои глаза и самому себе отвечаю: сногсшибательно. Длинные и черные как смоль волосы, удивительные зеленые глаза, прямой нос и сочные губы; интересно, какие они на вкус.

Пока я продолжаю пялиться на неё и фантазировать о том, как ее рот будет смотреться в области моего паха, девушка, вопросительно приподнимая свою бровь, ожидает ответа.

– Пошли, – говорю ей и тяну за локоть.

Мы пробираемся сквозь танцующую толпу и шум музыки. Красотка, спотыкаясь на своих высоченных каблуках, еле поспевает за мной. Мой член уже давно решил за меня, как пройдет сегодняшняя ночь, и поэтому я в нетерпении веду ее на парковку к своей машине. Тачка вместительная, места хватит всем. Мне просто необходимо сегодня забыться, что я и сделаю. Пусть даже хоть на какое-то одно гребаное мгновение.

Я открываю заднюю дверь машины и кивком своей головы «приглашаю» девушку присесть в свой роскошный салон автомобиля. Ей не нужно повторять дважды, и когда я следую за ней, она поворачивается, тут же впиваясь в мою шею своими полными губами.

– Ээ… нет, постой, – отрываюсь я от неё. – Никаких поцелуев. Только секс, а если тебя такое не устраивает, тогда – на хрен из моей машины.

Никто и никогда больше не прикоснется ко мне своим поцелуем. Это решено. Я веду себя как моральный урод, но что поделать, когда я такой и есть.

Девушка вопросительно смотрит на меня, но затем отвечает:

– Не кипятись. Мне все равно.

Странно, она даже не выглядит обиженной. Наоборот, очень довольной. Возможно, в ее жизни хватает всякого дерьма, от которого просто хочется избавиться и забыться в сексе, используя свое великолепное тело.

Я не успеваю дойти до конца в своих мыслях, как она уже расстегивает мой ремень, а следом и ширинку на моих джинсах. Одной рукой стягивает их вниз, а второй начинает гладить через ткань боксеров мой, уже давно ноющий от стояка, член.

– Его хоть поцеловать можно? – с небольшой улыбкой интересуется она.

– А ты с юмором, детка, – отвечаю я. – Делай с ним всё, что пожелаешь.

Она подмигивает мне и перед тем, как накрыть мой член своими горячими губами, срывает с меня остаток материи. Я запрокидываю назад свою голову и закрываю глаза, ощущая на себе ее жаркий и влажный рот. Знаю, что таким образом, я проживу еще один день. Еще одну ночь. Без тебя.

Глава 1

Дилан

Бегу по коридорам госпиталя. Стираю пот со лба тыльной стороной руки.

Боже, главное – успеть.

В предоперационном кабинете тщательно натираю руки мылом. Смотрю через окно и вижу, что операция уже началась.

– Черт. – Прикусываю свою губу.

Как всегда, пытаюсь везде успеть. Поэтому вбегаю в операционную, на ходу натягивая маску и перчатки. Вся группа из двенадцати человек пристально смотрит на меня.

– Извините за опоздание, – произношу робко.

– Очень рады, мисс Барлоу, что вы удостоили нас своим присутствием, – заведующий хирургией хмуро смотрит на меня. – Становитесь со всеми и наблюдайте.

Подхожу к группе интернов и становлюсь в конце. Мне не очень хорошо видно, поэтому я пытаюсь выглянуть из-за чьей-то спины.

– Мисс Барлоу, будьте добры, пройдите вперед, – громко говорит мистер Девис.

Все подталкивают меня, и я начинаю упираться в операционный стол. Смотрю на пациента, в его горле трубка, вставленная во время интубации. Рядом сидит на стуле анестезиолог с журналом в руках и улыбается. Сволочь. Ему смешно.

– Итак, пациент, возраст сорок пять лет, с инородным предметом в желудке. В данный момент мы делаем разрез… – И дальше слова профессора льются потоком, пока я внимательно смотрю, как он смазывает тело человека антисептиком и делает надрез.

Кровь тоненькой струйкой стекает по краям, слушаем биение сердца на аппарате. Все в порядке. Профессор делает надрез желудок, медсестры подают тампоны и зажимы. Действия мистера Девиса точные и уверенные. Пинцетом он достает какой-то странный предмет, напоминающий по форме пилочку для ногтей.

Как она могла оказаться там?

Смотрю во все глаза на то, как он аккуратно сшивает края разреза желудка. Все это время он поглядывает на нас, пока таз с тампонами наполняется кровавыми спонжами и тряпками. Затем закрывает шов, сшивая его аккуратными стежками.

– Ну вот и все. Мистер Барлоу, можете заканчивать, – говорит мистер Девис анестезиологу.

Майкл Барлоу начинает приводить пациента в себя, отключая все трубочки и маску.

– Что же, операция прошла успешно. Спасибо за внимание. – Мы все аплодируем и начинаем расходиться.

– Мисс Барлоу, не могли бы вы зайти в мой кабинет через десять минут? – профессор снимает очки и протирает стекла.

– Да, сэр, – отвечаю ему и выхожу вместе со всеми в коридор.

Пока все идут в ординаторскую, чтобы немного передохнуть, я тем временем подпираю стенку кабинета. Келли, моя коллега и близкая подруга, подходит ко мне и дергает за мой хвостик.

– Ты как? Майкл, как всегда, бог анестезии. Каждый раз делает такое умное лицо, будто ни один из интернов не знает, что он читает порножурнал, – смеется она.

– Мне все равно. Я просто хочу спокойно отработать эту смену и пойти домой, чтоб нормально поесть и поспать, – хмурюсь я.

– Он не звонил тебе? Девчонки говорят, что он трахает эту шлюху Эллис, – тут же прикрывает рот ладонью, – прости, Дилан.

– Мне плевать, – отвечаю я, когда мимо проходит профессор и кивает мне головой. – Ладно, мне пора.

Я иду следом за ним в кабинет.

Не хочу думать, кого трахает Майкл, мне больно от одной только мысли, что он просто вычеркнул меня из своей жизни. Мы поженились после колледжа, поступили в один университет, и вот уже чужие друг другу люди. Каждый день мне сообщают, что он трахает в подсобках наших интернов или молоденьких

медсестер. Он просто мешок с дерьмом.

– Дилан, дорогая, мы с мамой очень переживаем за твое состояние. Ты знаешь, что я просто не могу его выкинуть с работы. У него контракт, как и у тебя, на пять лет. Точнее, ему работать осталось три года, – папа глядит на меня с печалью в глазах.

Мой отец – заведующий хирургией. Он лучший общий хирург в городе. И да, я дочь врачей. И работаю с родителями и бывшим мужем. Двадцать четыре часа в сутки они постоянно рядом со мной. Не совсем приятная ситуация.

– Я все понимаю. Но знал бы ты, как мне хочется треснуть по его тупой роже. Но я же не могу в больнице развязать драку или что-то подобное, – ворчу я.

– Я понимаю тебя. Но его отец тоже не последний человек в хирургии. И ты знаешь, как мне хочется дать ему пинка под зад, – подходит ко мне и обнимает. – Мы любим тебя, родная. Все будет хорошо.

– И я люблю вас, папа, – обнимаю его крепко в ответ. – Ты мой супергерой.

– О, родная. Если бы ты не была такой взрослой, я бы все еще смог поднять тебя и сделать самолет. Но я уже староват для таких игр, – смеется он. – И, Дилан, – подзывает меня отец, когда я нахожусь почти у двери, – будь собой, дочка.

Я направляюсь в ординаторскую, чтоб съесть свой первый за сегодня сэндвич. Ребята уже доедают и громко обсуждают операцию.

– Дилан, ты не могла бы меня сегодня подменить в травме? – шепотом спрашивает Келли. – Малыш болеет, а ты же знаешь, что никто из них, – кивает головой в сторону интернов, – не согласится на это.

Оглядываю толпу и понимаю, что так оно и есть. Все они тусовщики и бездельники.

– Да, конечно, – потираю шею рукой. – В любое время. Пусть малыш выздоравливает.

Келли целует меня в щеку и убегает.

Ох, это будет тяжелая смена.

Не представляю, как это – быть матерью. Тем более матерью-одиночкой. Но Келли справляется, и пока она находится в больнице, оставляет ребенка с няней. Пусть он еще совсем малыш. Но Келли нуждается в работе, иначе она вылетит из программы.

Иду по коридору больницы, и как ни странно, эти стены не давят на меня. Некоторых людей удручают запахи медикаментов и люди в белых халатах. Я же, наоборот, буквально рождена для этого. Мое пребывание здесь кажется самим собой разумеющимся. Я люблю ночные смены. Обычно они самые спокойные.

Проверяя показатели нескольких пациентов, решаюсь выпить еще кофе. Нажимаю на кнопки автомата. Никак не могу выбрать, что сейчас предпочитаю больше: мокко или капучино.

– Бери простой кофе, пользы, конечно, мало, зато спать не захочется, – низким голосом говорит Майкл.

Внутренне сжимаюсь. Столько времени прошло, а я всё не могу привыкнуть к тому, что мы постоянно находимся рядом.

– Да, думаю, обычный будет лучшим выбором. Спасибо, – натянуто улыбаюсь, и даже не оборачиваясь, чувствую на себе его пытливый взгляд.

– Дил, взгляни на меня, пожалуйста, – такие знакомые руки касаются моих плеч.

Нехотя поворачиваюсь в его сторону и смотрю прямо в эти наглые глаза. Он все тот же: светлые волосы взлохмачены, как будто он только что вылез из постели, в ноздре дырочка от пирсинга, проколотая им на первом курсе колледжа, а голубые глаза все так же неизменно лживы.

– Майкл, – вздыхаю. – Я просто… – замолкаю.

Я просто что? Не простила? Не могу его видеть? Что я хочу сказать? У меня сердце кровью обливается. Грудную клетку сдавливает от рвущихся наружу эмоций.

Гляжу на него вновь и вижу того Майкла, который несся через футбольное поле ко мне, своей девушке, чтоб на виду у всей команды поднять на руки, сладко поцеловать и покружить. Я хочу видеть того Майкла. Я просто хочу вернуть те дни.

– Думаю, сейчас разговоры лишние, – отхожу от него, проглатывая ком в горле. Он медленно убирает руки.

– Я извинился, Дилан. Ты же знаешь, что это была глупость, – делает шаг ко мне.

– Нет, Майкл, ты не был глупым никогда. Расчетливым, возможно, но не глупым. Поэтому не стоит. – Забираю кофе, обжигая руки.

– Ты, как всегда, забыла накрыть колечком стакан, давай помогу, – отбирает из рук стаканчик с кофе и продевает кольцо. – Вот, держи, теперь не обожжешься. – Делает вид, что дует на мои пальцы.

Качаю головой и ухожу от него подальше.

Когда мой пейджер издает звуковой сигнал, я достаю его и быстро читаю сообщение.

– Боже, – бросаю стакан в ближайшую урну и бегу к лифту.

Очередной несчастный случай, сигнал SOS. Такой сигнал может говорить только об одном – у людей имеются сильные повреждения.

В приемную завозят две каталки. На них лежат в окровавленной университетской форме парень и девушка.

– Мужчина, двадцать один год, вылетел через лобовое стекло. Сотрясение, возможны переломы, а также внутреннее кровотечение. – Врач указывает на кусок стекла, торчащий из его бока.

– Девушка, двадцать лет, ударилась головой об панель. Сломан нос, больше видимых повреждений нет, – говорит врач из реанимационной.

Я беру каталку с девушкой и везу ее к аппарату МРТ.

– Где Джастин? Скажите, он жив? – Девушка мотает головой из стороны в сторону. – Прошу вас, скажите мне, что он жив? – плачет она в голос.

Пока мы ждем лифт, я оборачиваюсь, чтоб посмотреть, в каком состоянии ее парень. И вижу, как в окне все суетятся. У одного из врачей в руках «утюги» дефибриллятора. Он растирает их между собой и опускает на тело парня. Раз, два, три… Машет головой из стороны в сторону. Это означает, что парень умер.

Закрываю глаза. Просто невыносимо.

– Сейчас с вашим парнем врачи, они делают все возможное. А теперь мы займемся вами. Лежите спокойно, – отвечаю отстраненно, но в душе каждая смерть забирает частичку меня.

Отправив девушку к пластическому хирургу и оформив ее в больнице, иду в ординаторскую. Пока все тихо, мне необходимо совсем немного поспать.

Плюхаюсь в кресло с ногами, устраиваю голову удобней и закрываю глаза. Сразу вспоминаю слезы девушки и того парня, который умер. А ведь она еще даже не знает, что больше никогда не увидит его. Понятия не имею, что больней: видеть его рядом каждый день, но знать, что все кончено. Или вечно жить с этой любовью.

Нет, я, конечно, не хочу, чтобы Майкл умер. Он всегда назойливо кружит вокруг меня. Как будто раз за разом напоминая о себе. От этого и больно, и неспокойно на душе.

Майкл… Перед глазами мелькают картинки наших счастливых дней. Сильней зажмуриваюсь до белых точек и расслабляюсь. Мне необходимо поспать.

– Дилан, ты не могла бы помочь мне с инструментами. В операционной готовят парня, который прибыл в неотложке, – говорит интерн, никак не могу запомнить

его имя.

– Джастин? – так резко соскакиваю с кресла, что меня пошатывает.

– Да, Джастин Питерс. У него была остановка сердца. Но ты же знаешь Ким. Она с того света достанет любого. Кардиохирург от Бога. Вот бы мне попасть в ее руки, – мечтательно закатывает глаза.

– Ох, черт. Это потрясающе! Нет, это Ким потрясающая! – подпрыгивая, хлопаю в ладоши и бегу за интерном.

Глава 2

Кейн

Я иду. Постепенно ускоряю шаг. Срываюсь на бег. Я должен успеть. Если я опоздаю, всё будет кончено. Для неё и для меня.

Передо мной возникает дверь нашей съемной квартиры. Я люблю это жилье, наше гнездышко. Так хорошо в нем, тепло и уютно. Но мне хочется как можно быстрее оказаться внутри этого дома. Подкрасться сзади, обнять, оставить поцелуй на шее и сказать, что я люблю её. Она ведь ждет меня.

Да, так оно и есть, меня там ждут.

Я дергаю за ручку, но дверь не поддается. Пробую ещё раз, но её как будто заклинило. Словно обезумевший, я стараюсь оттолкнуть несколько раз от себя. Безрезультатно. Я начинаю барабанить по ней своими кулаками. На глаза постепенно наворачиваются слезы, застилая видимость своей пеленой.

Пожалуйста, нет! Только не это.

Я разгоняюсь для того, чтобы выбить эту чертову дверь своим плечом, ногой, да хоть чем-нибудь… Но останавливаю себя. Мне просто нужно, чтобы она

открылась. Сама. Или каким-то мне неизведанным способом. Пребывая в отчаянии, я не знаю, что мне делать.

Что мне, мать вашу, теперь делать?!

Я ей не нужен и никогда не был.

Вдруг слышу до боли знакомый скрип, будто тот, кто находится по ту сторону двери, открывает её, проворачивая невидимым ключом. Моё сердце барабанит в груди, тошнотворный ком подкатывает к горлу, а всё тело трясет от осознания того, что предстоит увидеть. Не знаю, как пережить это снова, но мне необходимо видеть всё происходящее там, за этой дверью. Перед тем как дернуть ручку на себя, я делаю глубокий вдох и шагаю внутрь.

Никого нет. Кругом темно. И я начинаю задыхаться от мимолетного страха, но вовремя беру себя в руки и продолжаю идти. Через какое-то время, когда мое зрение привыкает к темноте, я улавливаю некий звук. Он похож на чей-то смех. Этот смех постепенно сменяется стоном. Стоном удовольствия, похоти и сексуального возбуждения. Он, словно заразная болезнь, распространяется по всему темному дому и невыносимым звоном отдается у меня в ушах. Я зажимаю их руками и, корчась от режущей боли, сгибаюсь пополам. Ещё буквально несколько секунд такого звука, и я просто взорвусь, а моё тело разорвет на мелкие куски.

Звуки замолкают, и наступает облегчение. Спустя мгновение я замечаю тусклый свет, просачивающийся из приоткрытой двери. Двери нашей спальни. Моё сердце всё так же дико стучит, а голова раскалывается. Ещё чуть-чуть, и мои легкие, от учащенного сердцебиения и дыхания, сгорят дотла. Но я намерен идти, чтобы увидеть в очередной раз всё своими глазами. Благодаря этому лучу света я двигаюсь дальше, к следующей заветной двери. Она не заперта, её нарочно оставили открытой, зазывая зрителя дразнящими сексуальными стонами. И этот зритель не кто иной, как я.

Наконец-то я подхожу к двери и, затаив дыхание, заглядываю внутрь. Всё будто как в кино.

Я наблюдаю, как в нашей спальне, на нашей кровати, двое до боли знакомых мне людей предаются любви. Нет, они не просто трахаются, судя по тому, как их

тела плавно соединяются, как страстно они целуются, смотрят друг другу в глаза, я абсолютно уверен, они занимаются любовью. Они не видят меня. Я словно для них невидимка.

Чтобы не закричать от отчаяния и нестерпимой боли, я подношу кулак ко рту и прикусываю его своими зубами. Сильно. Больно. Чувствую, как теплая, с металлическим привкусом, струйка крови начинает течь по моей руке и постепенно капает вниз. Кровь мгновенно распространяется по полу, превращаясь из одной крохотной капли в огромную лужу. Незаметно для себя мое отчаяние сменяется на гнев. Гнев, распирающий меня изнутри. Я ненавижу этих людей. Я хочу, чтобы они сдохли от любви друг к другу. Мне хочется, чтобы они раскаивались предо мной, молили о своем прощении. Я просто сгораю от желания схватить их за горло и придушить или утопить в своей же собственной луже крови. Но я не в состоянии этого сделать. Всё, что я могу, – это не сдерживать рвущийся наружу вопль, и я не сдерживаю его…

Распахивая глаза, я часто дышу. Пока уравновешиваю свое дыхание, взгляд впивается в потолок. Это был сон. Просто очередной сон.

– Твою мать, – выдыхаю и поворачиваю голову, чтобы взглянуть на время. Семь часов утра. Приподнимаясь на локтях, чувствую, как голова пульсирует от дикой боли. Черт. Похоже, я вчера немного перебрал. Смотрю по сторонам. Отлично. Ни одной киски рядом. Это уже радует. Ненавижу выпроваживать по утрам оттраханных мною телочек. У них всегда один и тот же обиженный вид. Будто я жениться им обещал. Я что, похож на идиота? Хорошо, что сегодня выходной, иначе с похмелья у меня были бы проблемы.

Я пытаюсь встать с кровати, но, опираясь на правую руку, сразу же чувствую острую и жгучую боль. Подношу её к лицу и вижу в засохшей крови опухшую кисть. Мне трудно пошевелить рукой, но, кажется, все пальцы на месте. Этого мне еще не хватало. Шеф опять будет мною недоволен. С ней срочно надо что-то делать, иначе выговора мне вновь не избежать. Ладно, у меня в запасе еще два дня. Стоп. А что вообще вчера произошло?

Не успеваю прийти в себя, как слышу рингтон своего телефона, воющий с утра пораньше о какой-то там неземной любви. Поменять бы мелодию…

– Да, – стону я, даже не посмотрев на входящий вызов.

– Эй, засранец, – слышу я в трубке хрипловатый голос своего брата. – Башка трещит по швам с самого утра? – ухмыляется говнюк.

– И тебе доброе, – отвечаю я, разминая свою затекшую шею. – Чем обязан?

– Хочу приехать и надрать твою задницу в очередной раз. – Пауза. – Ты хоть помнишь вчерашний вечер? Бро, я всё понимаю, но и ты меня пойми. Так больше продолжаться не может. Возьми себя в руки, нащупай в паху свои яйца и убедись, что ты мужик. Тем более прошло уже столько времени после… – Он замолкает, явно не хочет бередить раны не очень приятными для меня воспоминаниями. – Она этого не стоит. Её в твоей жизни больше нет. – Последние его слова отдаются эхом в ушах, вызывая у меня голове неприятную пульсацию.

– В том-то и дело, я ни черта не помню. Неужели что-то настолько серьезное?

– В последнее время твой сценарий не меняется. Но если учитывать, что парень, на которого ты напал, приходится сыном босса моего босса, то дело – дрянь.

– Да ладно? Черт… – зажимаю пальцами свою переносицу, пытаясь хоть что-то припомнить, но от этого моя голова еще больше раскалывается, а поврежденная рука отдается резкой болью. Если, как говорит мой брат, сценарий один и тот же, значит, я был с девушкой, вот только… – С одной или с двумя? – интересуюсь у него, уверен, он догадывается, о чем идет речь.

– С одной, – сразу же следует ответ. – Но проблема в том, что она была с этим парнем, а он – её бойфренд. Ты напился до чертиков и, видимо, посчитал себя Всевышним, раз откровенно начал её лапать у Джейса на глазах.

– Джейс – это его имя?

– Да.

– Я избил его?

– Если ты о причиненных телесных повреждениях, то ему повезло больше, чем тебе. Но ты всё равно счастливчик. Ведь благодаря Заре я сразу же направился в

бар. Она позвонила мне, как только тебя увидела там. Ты её должник. Не окажись меня рядом, Кейн, сегодня бы ты проснулся не на своих мягких шелковых простынях, а в вонючей камере с не менее вонючими крысами, – оповещает он меня и тут же спрашивает: – Как твоя рука?

– Выглядит жутковато. Он порезал её ножом?

– Нет. Ты сам виновен. Тискал его женщину и после нескольких резких замечаний в твою сторону неожиданно кинулся на него с бутылкой, но со своей в стельку пьяной задницей ты не рассчитал и грохнулся на пол, с треснувшим осколком в руке. Повезло, что повредил только одну руку, а не ещё что-нибудь. С твоей-то работой.

– Да, я знаю, – не нужно мне напоминать про мою долбаную работу. Мне еще предстоит как-то объясниться. – И как она? – пытаюсь сменить тему. – Хорошенькая?

– Ты сейчас серьезно? Да у меня из-за тебя могло быть куча проблем! – орет он в трубку.

– Остынь, Джон, – ухмыляюсь, – я просто пошутил.

– Значит, шутник, слушай меня внимательно, – мой брат сейчас серьезен как никогда. – На этот раз я всё уладил, Джейс без единой царапины на теле и обещал молчать. Но ты задел его сраную гордость. Он просил передать тебе держаться от него и его телки подальше, иначе убьет тебя, не церемонясь. Уяснил? А от себя добавлю: бросай идею напиваться до беспамятства и трахать всех подряд, очнись и начни, в конце концов, жить. – Не дожидаясь от меня ответа, он продолжает: – Давай, вставай, прими душ, приведи себя в порядок, а я приеду за тобой. Поедем в больницу зашиваться.

Я молчу. Мне нечего ему возразить или сказать. Поэтому он первый нажимает «отбой».

Последние два года я сам не свой, не знаю, чего хочу от своей жизни. Я как кусок дерьма, плывущий по направлению течения и не желающий хоть как-то изменить это положение. Но благодаря Джону, моему брату, я стараюсь. Он мой старший брат и единственная моя семья, опора и поддержка. К сожалению,

наших родителей давно нет в живых. При жизни они настолько сильно любили друг друга, что даже смерть ненадолго разлучила их. Сначала от рака умерла мать, а потом, спустя два месяца, ушел из жизни отец. Он просто заснул и не проснулся.

Мама долго не могла забеременеть, и они с отцом уже почти отчаялись. Однако мечтам свойственно сбываться. И когда это наконец-то произошло, ей было тридцать пять лет. А спустя ещё три года на свет появился я.

В детстве мы с Джоном были не разлей вода, и несмотря на разницу в возрасте, мы всегда держались друг друга. У нас была одна компания, одни и те же друзья, даже девушки были похожи чем-то между собой. Джон хороший малый и отличный полицейский. Не знаю, как бы я смог существовать, если бы его не было рядом.

Громко вздыхая, решаю, что пора заканчивать с детскими воспоминаниями и философским дерьмом. Кое-как встаю с кровати и ковыляю сначала в туалет, чтобы отлить, а затем в ванную, чтобы принять бодрящий душ.

Смотрю в зеркало. Видок у меня, конечно, не очень. Волосы уже давно отрасли и в полном беспорядке. Их не мешало бы состричь. Я не могу вспомнить, когда вообще в последний раз брился. Но мне кажется, что-то есть симпатичное в этой бородке. Пожалуй, так и оставлю.

Я включаю воду, снимаю нижнее белье и захожу под душ. Спустя некоторое время рассматриваю поврежденную руку и ощущаю в ней ноющую боль. Да, медицинской помощи мне не избежать.

Глава 3

Дилан

Смена все никак не заканчивалась. В промежутках между приемами пациентов я только и делаю, что напиваюсь кофе. Из операционной для наблюдения перемещаюсь в палаты, затем меня перекидывают в приемную. И ни одна из

этих работ не является хуже другой. Мы низшее звено – омываем, зашиваем, делаем уколы, берем анализы и бегаем по кругу. Сегодня уже третьи сутки моего пребывания в госпитале, поэтому я чувствую себя словно робот.

– Вскрыть, отрезать, зашить… – повторяю раз за разом. Эта мысль крутится у меня в голове после операции на аппендицит.

– Вскрыть, отрезать, зашить… зашить… – врезаюсь в парня из реанимации.

– Дилан, очнись. Двое – на приход, – показывает мне рукой на дверь приемной.

Разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов и бегу со всех ног на улицу. Сирена скорой помощи звучит очень близко. Машина выезжает из-за угла, и сразу же открываются двери.

– Мужчина, сорок восемь лет. Лобовое столкновение. На стекле трещины от удара. Давление нестабильное. Требуется обследование. В сознании. – Вытягиваю каталку и направляюсь в открывшиеся двери.

– Вызовите доктора Томпсона! – кричу я и направляю её в рентген-кабинет. – Не переживайте, вами займется наш нейрохирург. А пока мы сделаем вам снимок, чтоб исключить кровоизлияния, – обращаюсь к пациенту.

Мы поднимаемся в лифте, и для дальнейших действий я передаю пациента медсестре. Возвращаясь в приемную, облокачиваюсь на стену и закрываю глаза. Двери лифта открываются, и входит мой отец.

– Дилан, ты почему все еще на работе? Твоя смена закончилась двенадцать часов назад. Ты хоть спала сегодня? – Отец обеспокоен, и это сразу заметно по его дрожащему голосу.

– Все хорошо, я поспала в ординаторской четыре часа и чувствую себя нормально. Осталось каких-то шесть часов, и я буду дома. Завтра обед у вас, я помню, – пытаюсь вымучить улыбку и кидаюсь ему в объятия, пока никто не видит.

– Родная, сон и еда. Не забывай. Надеюсь, этого больше не произойдет. Майкл и мизинца твоего не стоит. – Отец гладит меня по голове и отходит на шаг, когда открываются двери.

– Хорошо. – Прохожу мимо него, не оглядываясь. Не хочу, чтобы он видел, как я вымотана.

В приемной на пострадавшего заполняю документы. Вокруг много пациентов, в основном с травмами. Доктора осматривают и берут анализы.

– Эй, малышка, не хочешь побыть моим доктором? – глубокий мужской голос заставляет меня поднять голову от заполнения бумаг.

Вижу недалеко от себя высокого и широкоплечего мужчину. У него недовольный вид. И складывается такое впечатление, что он кутил всю прошлую ночь. Да что тут гадать, когда я прямо-таки ощущаю в воздухе этот запах перегара.

Господи, когда уже закончится моя смена?

Оглядываюсь по сторонам и понимаю, что все заняты.

– Я сейчас к вам подойду, – отвечаю ему. А если серьезно, пинка бы ему под зад за «малышку». Мы что, в баре? Ставлю подпись на документах и отдаю в регистрацию.

– Здравствуйте, мне необходимы ваши документы для заполнения, мистер… – улыбаюсь ему.

– Коулмен. Кейн Коулмен. И сотри, детка, со своего лица эту дежурную улыбочку. Мне необходимо просто промыть и зашить чертову рану, – смотрит на меня из-под нахмуренных бровей и медленно стягивает с себя кожаную куртку, похожую на байкерскую.

Его рука опухшая, бордово-красная, рана воспаленная, края неровные. Это не ножевое. Тогда что? Осколок?

– Чтобы избежать осложнений с переломом, мне необходимо сделать вам рентген, если вы не против. Сейчас я обработаю вашу рану и введу обезболивающий укол. Обследование не займет много времени, – натягиваю перчатки и тянусь к его руке, чтобы нащупать масштабы.

– Нет там никакого перелома. Просто хотел хорошенько надавать парню, который дерется как девчонка, – бубнит он.

– То есть вас избила девчонка? – приподнимаю бровь.

– А ты смелая, малышка… Дилан. Неплохая шутка. Запомню, – здоровой рукой он прикасается к моему бейджу, слегка задевая мою грудь.

– Сидите смирно, – отхожу от него на шаг. – Для вас я доктор Барлоу, – начинаю обрабатывать его рану и ощупываю на предмет перелома. Вроде все спокойно.

– Никаких рентгенов и обезболивающих. Я не мальчик, – кряхтит он от боли, когда я надавливаю сильнее.

– Хорошо, мистер Коулмен. Но я, подписав только что документы, несу ответственность за вашу жизнь. Поэтому извините, – ставлю его перед фактом, – сидите спокойно. Иначе, боюсь, мы с вами далеко не уедем. Хотите быть героем и терпеть боль? Поиграем в героев, без проблем, но рентген сделаем. У нас есть детское отделение. Вы кем предпочитаете быть? Дартом Вейдером или сладким Бэтменом? – он смотрит на меня, как на полоумную. – Все понятно, значит, делаем рентген.

Он неохотно садится в кресло, и мы едем в рентген-кабинет. Там он тоже бубнит и дерзит. Я молча занимаюсь им, у меня нет сил бороться с его тупостью и обращать внимание на его глупое поведение. Снимок показал, что все кости целы. Поэтому я собираюсь зашивать его рану.

Пока я продеваю нить и нахожусь в поисках необходимых мне инструментов, он хватает со стола медицинский степлер и, не издавая ни единого звука, закрепляет им свою рваную рану.

– Господи, что же вы творите? – пытаюсь выхватить у него степлер. Не напрягаясь, он удерживает меня одной рукой. Конечно, с такими-то ручищами.

– Ты слишком сонная и медлительная, малышка Дилан. У меня нет желания еще полчаса смотреть на твою кислую физиономию, – грубо отрезает он, тут же хватает бинт и начинает затягивать рану.

– Но вас… вам необходим курс антибиотиков, – впиваюсь в него взглядом. – Да и черт с вами. Ходите с уродливым шрамом. Ваше дело. Просто выпишу вам лекарства.

Отхожу от этого ненормального к столику регистрации.

Да пошел он к чертям собачьим! Ношусь с ним по всей больнице, а он только и знает, что ему надо, а что нет. Как капризная принцесса. Еще теперь эта уродливая рана. Он хоть понимает, что она на всю жизнь?

Медлительная! Да ты, козлина, сам отработай три смены и потом играй в героя. Осел.

От гнева меня разрывает на части, и растекается по венам адреналин. Хочется плюнуть на этику больницы и послать придурка куда подальше.

– О, Дилан Девис. Ты все так же прекрасна, – Джон целует меня в щеку.

Джон – полицейский в управлении, и ему часто приходится приезжать для снятия показаний с потерпевших.

– А ты, Джонни, все такой же неотразимый и такой гигант, – смеюсь я, в то время как он обнимает меня. Его медвежьи объятия становятся привычными.

– Неужели у тебя был дерьмовый день? – вопросительно приподнимает брови.

– Ага, это уже третьи сутки, и последний пациент – заноза в заднице, – шепчу ему, вставая на носочки так, чтобы немного дотянуться до его уха.

– Это кто такой? Сейчас я ему кое-что надеру! – грозно выдает Джон.

– Да вот этот, что сидит со степлером в руках. Сил моих нет бороться с такой глыбой. – Взглядом показываю на пациента.

– Ну, не все Коулмены такие задницы. Просто один из нас не любит уколы, – смеется он, прикусывая нижнюю губу в виноватой улыбке.

Боже, я идиотка. Кейн Коулмен – это же младший брат Джона.

– Вот его лекарства, – протягиваю таблетки Джону. – Обрабатывайте рану и один раз в день делайте укол. Надеюсь, он больше тут не появится. Странно, что у тебя, такого милого и вежливого человека, есть такой хамоватый родственник, – морщу в разочаровании свое лицо. – Ты уверен в том, что он твой родной брат? – подшучивая над ним, толкаю в бок и прохожу мимо.

Сейчас я устрою тебе, засранец. Значит, уколов боишься, герой.

– Мистер Коулмен, спустите свои штаны. Я не могу позволить вам уйти без укола от столбняка. Это правило больницы, – киваю ему головой, чтобы встал и повернулся ко мне спиной.

– Это действительно необходимо? – с недоверием смотрит на меня. Его взгляд останавливается на шторке.

– Если только хотите умереть от страшной болезни, в ужасных муках, молодым… Что с вами, неужели брат полицейского боится уколов? – открыто смеюсь над ним. – Я могу и громче сказать, чтоб все услышали?

Молча поворачивается и спускает штаны до колен, выставляя в очень откровенном виде свою накаченную задницу. Задыхаясь от его наглости, всаживаю внутримышечно антибиотик без предупреждения. Он издает достаточно громкий вздох.

– Одевайтесь. Если не будете делать уколы на дому, отправлю к вам медсестру. – Открываю ширму и иду в ординаторскую под недоброе бурчание Коулмена.

Упрямый пациент выходит, потирая пятую точку, и косится на меня. Улыбаюсь ему самой милой улыбкой и машу ладошкой.

Да, сладкий. Я такая.

Гневно отводит от меня взгляд и что-то говорит Джону. Тот оборачивается, посылая мне что-то вроде воздушного поцелуя.

Смотрю на часы и вижу, что, на удивление, моя смена уже закончилась. Пока я возилась Коулменом, время пролетело незаметно. Не знаю, виной тому его бурчание или взгляды исподлобья. Еще раз оборачиваюсь, чтобы взглянуть через окно на братьев, которые стоят на стоянке. Оба высокие и красивые. Один улыбчивый, второй – угрюмый.

– Кто-то приглянулся? – Майкл облокачивается возле меня на стойку и смотрит в том же направлении.

– Думаю, это не твое дело, – своим тоном я показываю ему, что тема закрыта. – Всего доброго.

Глава 4

Кейн

«Это что ещё за хрень? Уколы, мать вашу? А эти геройские «ролевые игры» в Бэтмена? Да киска просто рехнулась. Я ехал сюда не для того, чтобы светить задницей перед всей больницей. Вообще-то я знаю, что она у меня отличная и телочки ведутся на неё, но всё-таки я не был готов к тому, чтобы спустить свои штаны.

А эта девчонка дерзкая, и я был бы не прочь засадить ей. Однако Джон с ней знаком и часто видит её, поэтому…»

– Ты ещё тот придурок, Кейн. – Голос брата выдергивает меня из моих мыслей, пока мы едем в машине. – Дилан не заслуживала такого отношения к ней. Ты можешь иногда быть вежливым? Знаю, что можешь. Просто ты думаешь только о себе, а на других тебе наплевать.

Я молчу, не хочу вообще разговаривать. Но брат оказывается настойчивым:

– Что молчишь? Я серьезно, Кейн. В который раз говорю тебе, выбрось всё из головы и живи дальше. Неужели ты думаешь, что твоя жизнь остановилась и ты не в состоянии ни с кем больше…

– Хватит меня лечить этим дерьмом! – я начинаю заводиться. – Ты и понятия не имеешь, насколько это тяжело. Довериться человеку, любить его, отдать полностью свое сердце… для чего? Чтобы в один миг он разорвал его на мелкие кусочки? Послал всё самое прекрасное куда подальше? – чувствую, как разгоняется мой пульс и отдается шумным постукиванием в висках. – Ты думаешь, что я не понимаю, в кого я превратился? – качаю головой. – Сейчас я не готов к каким-либо изменениям. Просто оставьте меня, на хрен, в покое.

Брат ничего не отвечает.

– Ладно, прости, – тут же говорю ему я. – Ты ведь в такой же заднице.

Оставшийся путь до дома мы едем в тишине. Рука, зашитая кое-как медицинским степлером, нестерпимо ноет. Черт, придется отсиживаться дома еще несколько дней, иначе в управлении меня сожрут с куском дерьма. Хотя у нас отличный шеф, возможно, и в этот раз он все поймет, но до каких пор меня будет прикрывать мой брат и коллеги, мне неизвестно.

Моя работа заключается в том, чтобы спасать жизни людей, каждый раз подвергая опасности свою собственную. Я не только сражаюсь с огнем и выношу людей из горящего пекла, но и выполняю иную чертовщину. В пожарной службе спасения я работаю уже давно и имею черную каску полноценного пожарного. Я отдаю себя полностью этому делу и осознанно подхожу ко всему, что так или иначе связано с этой работой. Я просто не имею права на ошибку, стресс, травму и на ту боль, которую повидал при исполнении. Я должен быть своего рода долбаным героем, всегда находиться в форме и не быть размазней, иначе людские жизни полетят к чертовой матери. Сейчас лишние порезы и травмы на

моем теле совсем некстати, но какой я, на фиг, «герой», если я перестал себя контролировать и каждый раз, когда вижу очередную юбку и «Джека», быстро слетаю с катушек? Бл*дь, в моей голове сплошной свинец вместо мозгов. Сегодня же позвоню Уильямсу и возьму отгул на пару дней.

Когда мы подъезжаем к дому Джона, я поворачиваюсь к нему и удивленно спрашиваю:

– Какого черта ты меня привез к себе?

Тот как ни в чем не бывало глушит мотор.

– А ты как думаешь? Я не могу сейчас позволить тебе приехать в свою квартиру, забить на всех и вновь напиться. За кого ты меня принимаешь? Поэтому пока что побудешь здесь, – говорит он с ухмылкой и, не дожидаясь от меня ответа, открывает дверцу своей машины и выходит.

– Вечно ты всё решаешь, – бубню себе под нос, следуя за ним из его тачки.

Дом моего брата довольно просторный. Он с двумя этажами и гаражом на две машины и его «крошкой» – мотоциклом. Это типичный дом американского полицейского, с небольшим крыльцом у входа, передним и задним двориками, постриженным газоном и прочим набором дерьмового уюта.

В этом доме Джон живет один. Однажды он был куплен ради девушки, с которой Джон надеялся прожить спокойную и безбедную жизнь. Но, к сожалению, этому не суждено было случиться.

У Джона своя паршивая история любви. Когда-то брат считал, что влюбился безвозвратно в свою школьную подругу. Я лишь исподтишка посмеивался над ним. Такая гребаная любовь! Она отвечала ему взаимностью, была его первой девушкой, первым сексуальным партнером, первой любовью и в один прекрасный летний денек стала ему женой. Наверное, я тогда ему завидовал. Стейси была еще той горячей штучкой: модельная внешность, стройные ножки, подтянутая попка. Джон оказался счастливчиком. Он просто молился на нее. Но, видимо, у нас, Коулменов, такая карма: любить, а в ответ слышать одну тишину. Она уехала. Однажды. Просто забрала из дома всё свое барахло и уехала, ушла на хрен из жизни моего брата, оставив его в этом безлюдном и одиноком доме.

Когда мы заходим внутрь, нас приветствует вой собаки по кличке Макс. Эта псина сначала бросается на Джона, при этом в течение нескольких секунд успевает облизать, покрутиться, повилять своим хвостом и кинуться на меня.

Макс из породы хаски. И как бы я ни обожал этого пса, каждый раз, когда я вижу его волчью морду, мне становится не по себе.

– Эй, парень, полегче, – смеясь, говорю ему, когда он буквально сбивает меня с ног от нахлынувших на него собачьих чувств. Здоровой рукой я треплю его шерсть за ухом и ощущаю на своем лице его теплый и скользкий язык.

Да! Он мой любимчик.

– Макс, приятель, – обращается к нему Джон, – довольно облизывать этого ублюдка, он не заслуживает твоей любви. – Макс смотрит сначала на него, потом на меня. Этот пес смекает, что к чему. – Иди сюда, давай-ка я тебя накормлю. – Джон направляется в сторону кухни, а за ним, постукивая по паркету когтями, следует Макс.

Рука дает о себе знать, когда я захожу в гостиную, сажусь на просторный мягкий диван и включаю свой любимый спортивный канал. Покалывающая боль постепенно нарастает, и я вспоминаю замученное и не совсем довольное лицо докторши. Могу поспорить, что она отпахала две смены подряд и у малышки имелся явный недотрах. Скорее всего, ей также необходимо лечение. И только я знаю средство, которое сможет помочь. Мало того, у меня есть специальная микстура от этой хвори.

Усмехаюсь вслух. Мой брат прав. Я еще тот придурок. Озабоченный придурок.

– К чему усмешка? – интересуется Джон, заходя в гостиную с двумя бутылками пива в руке. Одну из них он протягивает мне.

– Та малышка, докторша, – мямлю я, – ты с ней спал?

Джон практически давится своим пивом и удивленно смотрит на меня.

– С чего ты взял?

– Прости, это, конечно, не моё дело, но то, как ты… поприветствовал её, чмокнул в щечку и пялился на её зад, я еле сдержался от похабных комментариев, бро, – смех просто разрывает меня на части.

– Тебе показалось. Дилан – отзывчивая, добрая девушка, а ещё она отличный специалист. Чтобы ты знал, она происходит из семьи врачей. Но даже не смей думать о ней. Тебе ясно?

– Чувак, остынь. Она не в моем вкусе, – уверенно заявляю. Такой, как я, и эта святоша? Да никогда.

– У нас с ней просто хорошие приятельские отношения. Ничего более, – настаивает Джон, отхлебывая пива из своей бутылки.

Спустя какое-то время мы все еще продолжаем пить пиво и пялиться в телевизор. До нас доносится звук мелодии телефона. Джон вскакивает на ноги и со словами «какого черта им всем нужно» подходит к столику, где лежит его телефон. Он прав, какого черта? У него сегодня выходной. Я тут же вспоминаю, что мне необходимо связаться со своим шефом.

Тянусь рукой в карман своих джинсов, чтобы достать мобильник, но нащупываю какой-то сверток. Вытаскиваю этот клочок бумаги и обнаруживаю на нем написанные кривым почерком цифры. Ах, да, это номер телефона той киски, которую я подцепил в клубе неделю назад. Она была хороша, видимо, я ей тоже понравился, раз оставила его с подписью: «Молли». Пфф! Бесполезно, детка. У меня есть офигительная способность не запоминать имена своих шлюшек.

Уже практически решаю скомкать и выбросить ненужную записку, но передумываю и засовываю обратно в карман. Пока Джон все ещё разговаривает по телефону, я решаю сходить прогуляться. Выхожу на задний двор, делаю глубокий вдох и чувствую вибрацию в кармане своей куртки. Черт, это Уильямс.

– Да! – отвечаю на звонок и сажусь на раскладной стул.

– Кейн, – сопит в трубку шеф, – знаю, что ты сегодня свободен, и в курсе, как ты обычно «проводишь» свои выходные, – догадываюсь я, что он имеет в виду, – решил тебе позвонить и полюбопытствовать, как у тебя дела.

– Дерьмово, – вздыхаю я.

– Не удивлен. Что на этот раз?

Том Уильямс, мой шеф, для меня не просто начальник, он мне как второй отец. А с моим отцом их когда-то многое связывало, они с детства дружили и считали себя братьями. Когда отца не стало, он помогал нам с Джоном, несмотря на то, что у него своя семья, заботы, и мы, свалившиеся одним махом на его голову. Именно он повлиял на меня своим геройством в этой нелегкой судьбе пожарного. Когда я ещё совсем был мал, я уже тогда знал, каким именно героем хочу стать. Однажды он взял меня с собой на станцию пожарной службы. Я был просто поражен всем, что там происходило. Одни только громадные машины и снаряжение произвели на меня неизгладимое впечатление. Конечно, на вызовы меня с собой никто не брал, но что нужно было маленькому мальчику, как не посидеть и порулить в машине с размером в огромный дом. Том частенько рассказывал нам с братом свои пожарные истории, показывал награды, делился достижениям. Мы гордились им. Благодаря ему я многое испытал и прочувствовал на себе все «прелести» этой профессии.

– Эй, ты ещё здесь?

– Да, сэр. Просто отвлекся, – глупо отвечаю я.

– Когда я звоню тебе по личным делам, я тебе не сэр. Заруби себе это на носу, – настаивает Уильямс.

– Да, сэр!

– Кейн, я серьезно.

– Шучу, сэр, – никак не угомонюсь.

– Ладно, так что у тебя опять стряслось?

– Ничего нового, абсолютно, – замолкаю на какое-то мгновение, не имея понятия, как ему объяснить.

– В каком месте травма? – Уильямс явно ясновидящий.

– Черт… с рукой проблемы, сегодня наложили швы, – мямлю я.

Мне просто очень стыдно перед ним, и я в последний раз обещаю себе не быть мудаком. Он такой подставы не заслуживает.

– Ладно, сынок, – слышен тяжелый вздох Уильямса. – На этот раз я что-нибудь придумаю, но…

– Такого больше не повторится, – перебиваю его я.

– Хотелось бы верить. – Через какое-то время он продолжает: – Поправляйся, сынок, я наберу тебя позже.

Он быстро кладет трубку, и я не успеваю ничего сказать ему в ответ.

Проклятье! Сынок. Так звал меня мой отец, а теперь зовет Том. Я капитально облажался перед ним, капитально.

Слышу скрип двери и вижу выглядывающую из проема голову Джона. Он как-то странно выглядит. Неужели на его лице я вижу смущение?

– Кто звонил? – сразу интересуюсь у него я.

– Коллега, – с неохотой отвечает он.

– Значит, тебя сегодня вызывают? – явно чую какой-то подвох.

По нему видно, что он набирается смелости:

– Эээ, нет. Не сегодня. Завтра вечером я приглашен семьей Девис к ним на ужин. – Ждет моей реакции.

– Чувак, я понятия не имею, кто это.

– Мистер Девис, он же заведующий хирургией госпиталя, который мы посетили по твоей милости. Он же отец Дилан, – Джон лепечет передо мной, словно пятилетний мальчишка.

– Давай ещё заикаться начни, – начинаю хохотать я. – И вновь эта малышка Дилан, которая под предлогом укола любовалась моим задом, а в гости позвала тебя. Несправедливо.

Брат молчит. Похоже, он заглох, раз не в состоянии что-либо ответить. Да и не надо, всё и так понятно.

– Ладно, что от меня-то требуется? – спрашиваю я.

– Поживешь здесь пару дней. Это не просьба, а приказ. Я завтра с самого утра на службе, а вечером, как тебе уже известно, буду на ужине, так что этот дом в твоем распоряжении. Только прошу, никакой выпивки. Заодно проветришь и высушишь от алкоголя свои мозги.

С этими словами он исчезает из дверного проема, оставляя меня одного.

От боли моя голова раскалывается на две половинки, словно кокос. Рука всё так же постанывает в районе шва, и чтобы облегчить немного тупое ощущение, тянусь в карман куртки за пачкой сигарет. Ни о чем не думая, закуриваю и смотрю куда-то вдаль. Я делаю еще одну глубокую затяжку, выдыхаю и растягиваюсь на стуле. Именно сейчас мне необходим отдых. Может, Джон прав, мне нужно пожить пару дней у него, дабы не наворотить еще большего дерьма в своей жизни.

Глава 5

Дилан

– Майкл… да, милый, – его руки скользят под мою ночную футболку, которая когда-то принадлежала ему. – Прикоснись ко мне, – ласково сжимает мою грудь,

и я выгибаюсь ему навстречу. Еще сильнее закрываю глаза. Чувствую, как его язык облизывает мои соски, а затем он легонько будоражит их своим дуновением.

– О боже, да… – провожу языком по своим пересохшим губам, пытаюсь к нему протянуть руки, но они будто связаны.

Влажная дорожка из поцелуев спускается ниже к моим трусикам. Он сжимает мои бедра руками, и я нахожусь в предвкушении, когда он коснется меня языком, именно там, в самом сокровенном месте.

– Прикоснись… прикоснись ко мне… – умоляю его шепотом. Но в ответ одна тишина, и я не чувствую ни единого его движения. Открываю глаза и вместо карих глаз вижу незнакомые голубые. Дергаюсь, словно от удара. А в голове непрекращающийся звон. Всё звонит и звонит. Хватаю себя за голову и распознаю проблеск рингтона, установленного на моем телефоне.

– Майкл! – зову его вновь. Но он исчезает, как будто его и не было.

Тем временем надоедливая музыка все играет:

Да, я буду любить тебя,

Малышка, всегда.

И я буду рядом с тобой вечно и один день, Всегда.

Вскакиваю с кровати. Чертов рингтон продолжает звонить. Я не могу сообразить: это был сон или всё же явь?

– Майкл! – громко зову его снова.

Мозги отказываются работать. Растерянно моргаю. Интересно, сколько я проспала. Хватаю орущий телефон на моменте, когда «Бон Джови» уже истерично зовет свою любовь.

– Да, папа, извини, я очень крепко спала, – все еще дрожу всем телом. Между ног влажно, а когда я прикасаюсь свободной рукой к груди, то нащупываю свои

торчащие соски. Позорище.

– Добрый день, родная. Дилан, мы с мамой хотели узнать, все в силе? Нам ждать тебя? – папа говорит с надрывом, будто совмещает перетаскивание продуктовых пакетов с общением со мной по телефону.

– Да, конечно. Сейчас только позавтракаю, – отвожу трубку от уха и смотрю на время, – хотя нет, скорее уже пообедаю. Приведу себя в порядок и приеду.

– Хорошо, мы тебя ждем. С тобой все в порядке? Дыхание нестабильное. Отдышка? Может, сердце? – встревоженно спрашивает папа.

Знал бы он, от чего отдышка.

– Нет, все правда хорошо, просто приснился кошмарный сон. – Ну в какой-то мере я не соврала.

В телефоне слышу глухой удар, будто папа ногой открывает дверь, затем кряхтение и стук. Он что-то говорит мне, но из-за шумных звуков в трубке я не могу разобрать, что именно.

– Детка, не опаздывай. Мама собралась делать лазанью и твой любимый тирамису. Надеюсь, ты не откажешься полакомиться здоровой пищей, – в телефоне опять слышны шум и треск.

– Милая, надень то платье, в стиле Одри Хепберн, которое я подарила на Рождество. Ну, ты поняла, с белым воротничком, – мама выхватывает телефон у папы. – Стивен, не урони пакет. Господи боже, как ты справляешься в хирургии? Дома ты все разрушаешь, – хихикает она после хлопка. Я-то знаю, по какому месту был хлопок.

– Хорошо, мама. Я пообедаю и буду у вас к шести.

Мы прощаемся, и после я иду умываться.

Мои родители за все тридцать пять лет совместной жизни до сих пор ведут себя, как молодожены. Папа часто целует маму, и мама не остается в долгу. К

сожалению, у меня не получилось, как у них. Встаю под душ и смываю с себя мысли о Майкле.

Почему он приснился мне? Я уже очень давно не переживала подобные эмоции. И больше всего меня смущает то, что цвет глаз был точно не его. Отдаленно знакомый, но не его.

Обматываюсь одним полотенцем, вторым – отжимаю и протираю волосы. На скорую руку сушу их феном. Надо еще успеть перекусить, но так как мои кулинарные способности заканчиваются подгоревшим тостом, решаюсь на хлеб и арахисовое масло.

– Кел, привет. Как малыш? – спрашиваю с набитым ртом, пытаясь проглотить свой обед.

– Думаю, все уже лучше, чем казалось. Колики. Напугал он меня. В педиатрии насмотришься, потом на все реагируешь. Опять жуешь бутерброд? – смеется она.

– Да. Ты же знаешь, что я не Джейми Оливер. Крылышки, и те могу спалить за пять секунд, – откладываю невкусное месиво, вытирая рот салфеткой.

– Ты вполне могла бы прийти ко мне пообедать. Ты же знаешь, что я тебя накормлю. Кроме того, малыш тебе всегда рад.

Да уж, рад. Последний раз он дважды срыгнул на меня и обмочился. Я не создана быть матерью и в педиатрию даже не сую свой нос. Ну не случается у меня вот этот волшебный контакт с детьми. Эти маленькие монстрики хватают меня за волосы, нещадно надрывая свои маленькие глотки. Кто бы мог подумать, что такие крошки могут издавать звуки, от которых лопаются перепонки.

– Слушай, может, тебе на свидание с кем-нибудь сходить? Как насчет Джона? – передвигаюсь по комнате в поисках платья, о котором говорила мама.

– Коулмен? Нееет. Он не в моем вкусе. – Малыш начинает истошно плакать, и я морщу лицо. Детский плач невыносим.

– Шшш… Почему ты вспомнила Джона? Разве он не к тебе клеится?

Из моих рук выпадают туфли. Совсем с ума сошла.

– Женщина, ты нормальная? Кому не нравится красавец полицейский? От одного только жетона должны спадать трусики. Кроме того, это на тебя он действует, как сигнал SOS. – Подруга что-то бухтит в ответ, но я ее уже не слышу. – Прости, мне надо собираться, меня ждут родители. Но ты подумай на счет него.

Мы поспешно прощаемся, и я начинаю приводить себя в порядок. Завивая кое-как крупные локоны, верчусь перед зеркалом. Платье смотрится потрясающе. Моя мама всегда имела отменный вкус на вещи.

Добравшись при помощи такси до дома родителей, растерянно останавливаюсь в дверях.

– Джонни? – При виде него в нашем доме мои глаза чуть ли не вылезают из орбит.

– Привет, рад тебя видеть. – Он наклоняется и целует меня в щеку.

Через его плечо я смотрю на папу.

– Я пригласил к нам на ужин Джона. Надеюсь, ты не против? – с блаженной улыбкой как бы интересуется отец и продолжает: – Джон, Дилан, прошу к столу.

Отец идет впереди, и я пристально смотрю ему в спину. Что он задумал?

В гостиной стоит стол, накрытый белоснежной скатертью. Мама постаралась. Лазанья выглядит потрясающе. Помимо этого, она сделала несколько салатов. Красное вино? Вы шутите? Наверняка это особенный случай. Папа садится рядом с мамой, а мой стул стоит почти вплотную к стулу гостя.

– Садитесь, прошу вас. Джон, ты не мог бы… – папа делает жест рукой, намекая Джону о том, что тот должен поухаживать за мной. Хотя обычно именно папа делал это. Даже Майклу не разрешал оказывать мне любезности в его присутствии. Что здесь вообще происходит?

Мама, мило улыбаясь, накладывает еду на тарелки. Вопросительно гляжу на родителей, но они только переглядываются между собой.

– Как дела в отделе? Слышал, вы, парни, делаете успехи. В городе столько раскрытых и завершенных дел, – обращается папа к Джону, тщательно избегая моего взгляда.

Джон садится таким образом, что его колено прикасается к моему. Но он делает вид, что ничего не замечает. Я правда хочу есть. Поэтому, запихивая в себя побольше еды, я стараюсь не обращать внимания на постоянное касание моих ног. Нет, я не против присутствия Джона, но все это выглядит очень странно.

– Спасибо, стараемся. Открыли новое дело по мошенникам. Сейчас все выглядит не совсем хорошо, но мы намерены двигаться в правильном направлении. Дилан, булочку? – Он протягивает мне корзину с хлебом. Беру первую попавшуюся и киваю головой, как дурочка.

– Ну а ты, дорогая, не устала еще жить на работе? Отец сказал, что ты отработала три смены. Дилан, так нельзя. Тебе надо чаще общаться с друзьями, мужчинами… – замолкает мама, а я вскидываю голову, останавливаясь на ней своим взглядом.

Не могу ответить сразу.

Во-первых, мне надо прожевать, а во-вторых, я не грублю родителям. Никогда.

– Вы же знаете, что Келли с ребенком, а после Майкла… – подбираю слова. – В общем, у меня нет больше друзей. С интернами я не особо общаюсь. Мне некогда. – Обрубаю разговор.

– Ну ты могла бы меньше работать, и тогда бы появились друзья. Милая, мне кажется, ты как в ракушке живешь. Дом и работа. Мы уже с папой думаем предложить тебе переехать к нам, – вкрадчиво говорит мама.

Да ради бога! Неужели я маленькая? Уже почти слетаю с катушек, как чувствую ладонь Джона на своей коленке. Он сдавливает ее, тем самым останавливая меня.

– Я постараюсь, – соглашаюсь с ними. – Хирургия – нелегкое дело. Некогда заниматься личной жизнью.

– По крайней мере, нам с мамой это не помешало. Дорис, помнишь, как мы в разные смены дежурили? Ты жила в педиатрии, а я с ума сходил по операционной? – папа сжимает руку мамы.

Наверняка все так и было. Мама в итоге стала педиатром, а папа остался в своей любимой операционной. И даже если спросить любого из работающих людей нашей больницы, все в один голос скажут о моих родителях самые хорошие слова.

– Ну а ты, Джон, двинулся дальше? – Папа подает маме грязные тарелки, явно готовясь к десерту. Джон напрягает плечи и не отрывает своего взгляда от стола. Протягиваю руку и сжимаю его ладонь. Думаю, ему не хочется говорить об этом. Но мои родители не имеют в виду ничего плохого.

– Я, как и Дилан, работаю, – хмурясь, отвечает он.

– Тирамису, Джон, надеюсь, ты его любишь, – мама ставит перед нами чудо выпечки.

– Обожаю, Дорис. Последний раз смаковал его, когда мама была еще жива. – Он берет кусочек и засовывает себе в рот. По его лицу растекается блаженная улыбка. – Потрясающе.

Мама скромно опускает голову. Папа нежно сжимает ее за плечи, а мы дальше наслаждаемся вкусным десертом. И похоже, мои родители решили этим десертом дать нам передышку. Папа в основном обсуждает с Джоном мужские взгляды на политику страны, а мы с мамой убираем посуду.

– Милая, как тебе Джон? – говорит мама, подходя ко мне вплотную, пока я смываю остатки пищи, перед тем как загрузить тарелки в посудомойку.

– Мам, я сейчас ни на кого не обращаю внимания. Джон приятный мужчина. Но некогда мне, понимаешь? – Мама разворачивает меня лицом к себе, протягивая полотенце, чтобы вытереть руки.

– Дилан, мир не сошелся клином на Майкле. Он хороший парень. Это была подростковая любовь. И она закончилась, не так ли? – обнимает меня.

В душе я тоскую по Майклу и нашим отношениям.

– Я буду двигаться дальше, как только смогу. И я не перееду к вам. Мне удобнее находиться в своем доме, – целую ее в щеку. – Хотелось бы надеяться, что папа не проводит точно такую же беседу с Джоном.

Мама начинает нервно теребить передник своего фартука.

– Господи боже, мама, – стону я, впиваясь руками в волосы.

– Ну что, дорогая, я сегодня очень устал, и у меня еще ночная операция, так что мне необходимо немного вздремнуть. Джон великодушно предложил подвести тебя домой.

Я громко выдыхаю и умоляющим взглядом смотрю на Джона. Он лишь с улыбкой на лице пожимает плечами.

Родители провожают нас до машины, и как только мы с Джоном в нее садимся, они исчезают из вида.

Обхватывая руль своими ручищами, он наклоняет голову в мою сторону, приподнимает брови и начинает смеяться. Качаю головой и начинаю хохотать вместе с ним.

– Ну что, подруга. Чувствую, мы попали, – выдавливает он через смех.

Да уж, попали, мои родители в роли сводников – это серьезно.

– Ладно, куда ехать? – спустя пару секунд интересуется он.

– А есть предложения? – все еще прихожу в себя после выходки мои родителей.

– Я знаю один отличный местный бар неподалеку. Ты как смотришь на это? Повеселимся? – поигрывает бровями.

– Я свободна. Думаю, мне не помешает пара шотов на ночь. – Снимаю туфли и подтягиваю под себя одну ногу. – Ты же не против? Ноги в них жутко болят. – Морщу нос.

– Располагайтесь, мисс. Значит, курс на бар. Пристегните ремни, мы взлетаем, – шутит он, заводя машину и выезжая с подъездной дорожки.

Мы прибываем в бар с пресловутым названием «У Логана». Здание старое, но на удивление чистое. Из дверей не вываливаются пьяные рожи, а значит, место приличное.

Фоном играет David Guetta Feat. Sam Martin – «Dangerous». Джон двигает головой в такт, пропуская меня вперед, при этом успевает поздороваться за руку с каждым.

– Я смотрю, ты тут частый гость? – сажусь на высокий стул около бара, одергивая задравшееся платье. Взгляд Джона задерживается на моих приоткрытых ногах.

– Мои глаза здесь, Джонни.

– Итак, шоты. – Он моргает несколько раз, затем ставит передо мной четыре шота текилы. – Думаю, неплохое начало. А потом ты сможешь потанцевать. Стивен сказал, ты обожаешь танцевать.

Залпом выпиваю первый шот. Да отец всю мою подноготную выложил. Надеюсь, он не упоминал, как я, будучи маленькой, любила бегать по двору без трусов.

Джон услужливо протягивает мне лимон. Приподнимая, сразу же ставит второй шот:

– За друзей. – Мы поднимаем шоты и тут же в себя их опрокидываем.

Меня передергивает от горьковато-солено-кислого вкуса, и я трясу головой в разные стороны.

– Я так давно не расслаблялась. Не знаю, получится ли у меня, – сдавливаю виски пальцами.

– Значит, еще по одной, и пошли танцевать. Но танцор из меня никудышный, – предупреждает Джон. – Это Кейн у нас по части танцев. – Поднимает шот и выпивает одним махом.

Делаю то же самое и соскакиваю с места.

На танцполе играет мелодия Calvin Harris – «This is what you came for». Джон переваливается с одной ноги на другую, изображая танец Джона Траволты из «Криминального чтива». Кажется, мне хватило этих шотов для частичного отключения моих мозгов. От выпитого кружится голова, а тело покрывается капельками пота.

Двигаюсь под музыку, запрокидывая руки за голову. Когда Джон слегка обнимает меня за талию и притягивает к себе, я откидываю свою голову ему на плечо. Так мы танцуем пять песен подряд, а затем отправляемся еще за выпивкой. Пью только я, а Джон пытается перекричать музыку и прикрывается, когда я в шутку бью его по плечу.

Со стороны вполне может показаться, что мы друг друга знаем очень давно.

– Леди, по-моему, вам пора домой, – помогает мне слезть с неудобного стула, придерживая мою короткую юбку.

– Домой, мистер Коулмен. Леди желает лечь спать.

Из-за того, что мои ноги еле передвигаются, запинаюсь на ровном месте, но рука Джона успевает меня поддержать. В обнимку мы кое-как ковыляем до его машины.

Мой пьяный рассудок отдыхает. Я рада, что со мной надежный человек. Может, и правы родители, что мне необходим друг. И пусть он танцует, как слон в

посудной лавке. Но с ним весело.

Чувствую, как закрываются глаза, когда моя спина касается удобного кресла в его машине. Последнее, что я помню, – это как теплые руки осторожно снимают с меня ненавистные туфли.

Глава 6

Кейн

Сегодня стоит неимоверная жара. Духота просачивается в легкие, а по телу струится обжигающий пот. Я даже и не знаю, сколько раз принимал душ в течение дня. Джон весь день пропадает на работе и вернется только поздно вечером, я же, как всегда, один и понятия не имею, как себя развлечь. Скукота, одним словом.

Вчера вечером я имел неосторожность выйти из дома и наткнуться на местный бар. Нет, я не собирался напиваться. Не в этот раз. Мне неизвестно, как я там очутился, наверное, ноги сами меня вели по протоптанной дорожке прямиком в «райское» местечко под типичным идиотским названием «У Логана».

Не успел я войти, как ощутил на себе несколько голодных взглядов местных цыпочек. «Сорри, леди, сегодня я пас», – мысленно убеждался и обещал себя сдерживать. И дело было не только в Томе и Джоне. Дело было во мне. Мой прошлый вечер проходил именно под таким лозунгом: «Стой до конца и покажи, что в твоем роду нет слабых».

Следуя ему, я отмел сразу все потенциальные перепихоны на ночь. Заказал себе легкое пиво и попытался расслабиться возле стойки бара. Но не тут-то было. Мне померещился Джон с какой-то не совсем трезвой танцующей «юбкой». Я моргнул пару раз и сфокусировался на них. Бинго! Это был действительно мой братец и его новоиспеченная докторша.

Как оказалось, Джон тот еще самец, да и не такой уж плохой танцор, как прибеднялся. Они довольно долго отплясывали, смеялись и лапали друг друга, а

я стоял и пристально за всем этим наблюдал, будто впервые за долгое время видел брата таким довольным и полным жизни человеком. Не допив пиво, я развернулся и ушел.

– Эй, Макс, – зову питомца Джона.

Целый день я торчу на диване возле телевизора, пора бы уже перекинуться хоть парочкой слов за сегодня. – Как дела, дружище? – ко мне подбегает самый умный пес, которого я когда-либо знал.

Я треплю его мордочку, а он при этом старается облизать мою наспех зашитую руку. Последние несколько часов в руке ощущается адская боль. Видимо, она будет ныть до скончания веков. Освобождаю кисть руки от бинта и понимаю, что дела плохи. Она распухла, и до меня доходит, что я пропустил вчерашний укол. Причем намеренно. Макс глядит своим преданным взглядом и поскуливает.

– Что, волчья морда, – улыбаюсь ему. – Жалеешь меня?

Он что-то там утвердительно мямлит на своем собачьем языке и принимает положение лежа. Смотрю на часы – почти восемь вечера. Надеюсь на скорую профессиональную помощь, а не на такую, как в прошлый раз. Хотя… Вчерашнее воспоминание о незабываемых телодвижениях Джона и его цыпочки загорается в моей голове со скоростью света.

– Твоему верному другу придется сегодня навестить кое-кого, – обращаюсь я к Максу, и наглая ухмылочка расползается по всему моему лицу. – Веди себя хорошо, я скоро вернусь.

С этими словами хватаю ключи от байка Джона. Не помню, когда в последний раз сидел за рулем этого зверя, но данный аппарат сейчас просто необходим. Множество воспоминаний, хороших и не очень, связывают меня с этим мотоциклом. Я люблю прокатиться с ветерком. Это ощущение успокаивает и остужает меня, награждает некой свободой. Быстрая езда не только захватывает дух, но бывает так, что она захватывает жизнь…

* * *

– Кейн, ты ненормальный, – Эмма сидит на байке ко мне лицом, упираясь спиной в рулевое управление. Её шикарные и длинные ножки обхватывают мою талию, а руки покоятся у меня на груди.

– Я? Нет, я вполне нормальный и сейчас серьезен как никогда. Я хочу, чтобы ты изменила… – с этими словами я лезу в карман своей кожаной куртки, – чтобы ты изменила свою фамилию… на мою. – Достаю бархатную штуковину и открываю ее.

– О боже, – прикрывает рот одной рукой, а второй тянется к заветной коробочке.

Я действую быстрее. Вытаскиваю кольцо и надеваю ей на палец.

– Детка, что скажешь?

Я знаю, она согласится…

* * *

Поездка до больницы, как я и предполагал, не занимает много времени. Паркую железо Джона без проблем и подхожу ко входу в само заведение.

Интересно, дежурит ли сегодня малышка Ди? И как она отреагирует на мое внезапное появление: удивится, закатит свои карие глазки и нацепит на лицо доброжелательную улыбочку? Ну, не думаю, что она встретит меня с распростертыми объятиями. А вдруг сегодня не её смена? Ладно, нужно просто войти и самому убедиться в этом. Да и какая к черту разница, она или кто-то другой. Сейчас главное, получить профессиональный осмотр и лечение, а если надо уколоться, то стерплю и это.

Вхожу в здание, и тошнотворный больничный запах медикаментов сразу ударяет мне в нос. Терпеть не могу больницы и прочую связанную с ними ерунду. Моментально направляюсь на ресепшен и объясняю, в чем конкретно мне необходима помощь.

– Присядьте здесь, мистер Коулмен, и подождите немного. Сейчас я вызову к вам мисс Барлоу, – отвечает мне девица, указывая рукой на красного цвета

диваны.

Вот так так. Мисс Барлоу. Ха! Да я, оказывается, провидец. Ну что же, пора повеселиться.

– Мистер Коулмен, – щебечет всё та же особа за стойкой ресепшен. – Мисс Барлоу ожидает вас в приемном отделении, пожалуйста, пройдите по коридору прямо и сразу налево…

– А где носилки, кресло-каталка? – небрежно перебиваю ее. – Где медперсонал, который ухаживает за больными? То есть вы предлагаете мне сейчас с разодранной рукой шарахаться по всей больнице в поисках чертовой мисс Барлоу, когда, возможно, моя жизнь находится в опасности? – я еле сдерживаюсь от смеха, когда ловлю на себе ее перепуганный взгляд.

– Довольно представлений, мистер Коулмен! – я резко оборачиваюсь.

– О, Мисс Барлоу. – Она сама серьезность и строгость. – Вы не рады меня видеть?

– Следуйте за мной.

С этими словами она разворачивается и, звонко постукивая своими каблучками, направляется по коридору. Я плетусь за ней на пару шагов позади, а мой взгляд следует за движениями ее тела. Я отмечаю про себя, какая у нее твердая, уверенная и в то же время легкая походка. Как она покачивает своими бедрами и, видимо, догадывается, на что конкретно я сейчас пялюсь. И этот чертов беленький медицинский халатик, облегающий ее зад…

– Проходите, – не очень дружелюбно предлагает мне войти, приоткрывая дверь кабинета.

Я вхожу и сразу же плюхаюсь на кушетку. Малышка Ди тут же вырастает возле меня со скрещенными руками и строгим взглядом.

– Каким ветром занесло вас на этот раз? – сразу нападает на меня.

Я же не тороплюсь ей отвечать, не отвожу от нее своего пристального взгляда, и как только она проигрывает в «гляделки», я делаю взмах больной рукой:

– Полюбуйся!

– Господи, боже мой, – бормочет она себе под нос, при этом закатывая глаза.

Ди присаживается рядом со мной, осторожно берет мою руку и осматривает её.

– По-моему, в прошлый раз я ясно выразилась, что вам необходимы уколы и перевязка, – вопросительно смотрит.

Соглашусь, меня немного заводит ее поведение, эта раздраженная при виде меня реакция, и эти пухлые губки.

– Так, ладно, – быстро вскакивает на ноги и двигается в сторону шкафчика с медицинскими инструментами. – Пора бы вам эту рану зашить подобающим образом.

Я наблюдаю за ее действиями. Как она натягивает стерильные медицинские перчатки, берет инструмент в свои маленькие изящные руки. Интересно, сколько раз она проделывала эту операцию с другими? Как долго она работает интерном? Она ведь интерн?

И какого черта меня всё это интересует?

Я громко вздыхаю, расслабляюсь и откидываю голову назад, но продолжаю наблюдать за ней. Она старательно и аккуратно придерживает мою руку и когда зашивает мою кисть, я намеренно дёргаюсь от боли, отчего малышка Ди подпрыгивает на своем стуле.

– Извини, – шепчет одними губами и продолжает заниматься своей работой.

– Ну наконец-то. Я уже даже и не знал, как намекнуть, ведь мы теперь, можно сказать, чертовы родственнички, – подмигиваю ей.

Буквально за пару секунд в ее глазах сверкает столько эмоций: удивление, непонимание, тревога, сменяющаяся любопытством, но остается всё та же преобладающая во взгляде холодность.

– Ага, видел вас вчера, воркующих голубков, – я никак не угомонюсь. – Признаюсь, был поражен откровенностью ваших с Джоном танцев. Думаю, ты совсем другая. Не такая, как сейчас, со мной. На самом деле, ты – раскрепощенная, – неожиданно запускаю другую руку в ее волосы, легонько сжимая на затылке, – страстная, – надавливаю, притягивая к себе ещё ближе, – чувственная… – кажется, мой мозг самостоятельно обнаружил у себя кнопку «завершить», потому что я полностью отключаюсь и наклоняюсь к ней слишком близко. Для чего? Для поцелуя?

Приоткрыв рот, Ди бестолково смотрит на меня. Еще немного, и я не успею глазом моргнуть, как она набросится на меня… или же я на неё.

– Так, – мгновенно отстраняется, как ошпаренная, освобождаясь из моего захвата. – Не шевелись и не дергайся! – Ой как строго.

Вот это характерец, она понятия не имеет, как возбуждает меня смена ее настроения и этот холодный, до боли знакомый, оттенок в голосе.

– Скажи, ты собиралась меня поцеловать? Если да, то ты явно под чем-то, детка, – какая же я сволочь.

Она ехидно улыбается, и её ответ не заставляет себя долго ждать:

– Главное, что не под тобой. – Ненадолго задерживается на мне своим высокомерным взглядом и добавляет: – придурок.

Глава 7

Дилан

Мне необходимо как можно скорей от него избавиться. От Кейна Коулмена и его «грязного» рта.

Боже, он чуть ли не поцеловал меня. А что я? И этот магнетический взгляд. На меня так не смотрели уже. Да никогда, никогда не смотрели так, как смотрел на меня Кейн. И меньше всего мне сейчас нужна с ним интрижка.

Выполняю последний шов и затягиваю узел. Оборачиваюсь, чтобы подобрать самый широкий бинт. Под рукой, словно нарочно, лежит узкий. Встаю и обхожу кушетку, на которой распластался этот недоумок. Осматривая полки с медицинскими инструментами, я быстро нахожу в нижнем отделении то, что ищу.

– Малышка, если ты чуток наклонишься ниже, боюсь, не смогу удержать его в своих штанах, – шипит Кейн.

Я молчу. Мне бы послать его, но этика не позволяет. Как мне хочется о ней забыть и вышвырнуть придурка отсюда.

– Мистер Коулмен, последнее предупреждение, или я позову охрану, – отчеканиваю каждое слово.

– Ой, мы что, опять на «вы»? – приглушенно интересуется он.

Отрезаю усик от бинта, вытаскиваю блокнот и пишу ему назначение. Естественно, без уколов.

– Повторять не стану. Вот. Можешь наносить антибактериальную мазь, – протягиваю лист. – Удачи вам, мистер Коулмен.

Не успеваю я открыть дверь, как Кейн врезается в меня своим мощным телом.

– Мистер Коулмен, да? – его руки обхватывают мои, заламывая за спину. – Ди, я сейчас вспыхну и трахну тебя прямо у этой двери, – чувствую, как трется своим твердым членом о мою поясницу.

– Мистер… – но он не дает мне закончить.

Кейн разворачивает меня лицом к себе, все также крепко прижимая. Он наклоняет голову, заглядывая прямо в мои глаза. Пальцем здоровой руки проводит по моим губам. Я застываю. В ожидании? Или от шока?

– Да и черт с ним, – бормочет он и губами впивается в мои, терзая мой рот, прикусывая нижнюю губу и с рыком оттягивая ее назад. – Боже, – стонет он, притягивая меня к себе еще ближе.

Член Кейна упирается в мой живот, и я могу смело заявить, он у него не маленький. Но в один момент все очарование испаряется. Внезапно я отталкиваюсь, ударяя по его щеке. Он пялится на меня с приоткрытым ртом и затуманенным взглядом.

– Благодаря тебе теперь мне придется сдавать анализы на герпес, – вытираю брезгливо свои губы. – Меня не интересует любитель женских кисок, Кейн.

Одним рывком открываю дверь и бегу по коридору. Сердце барабанит в груди, словно отбойный молоток. Пульс бешено скачет.

В какие чертовы игры он задумал сыграть?!

Без извинений толкаю плечом какую-то девушку и влетаю в кладовую.

Обхватывая свою голову руками, чувствую, как кровь пульсирует в висках. Чтобы немного прийти в себя, провожу ладонью по волосам, а затем по лицу. Но тут я слышу какой-то шорох за спиной. Медленно оборачиваюсь и вижу, как Майкл с полуголой девицей-интерном старается натянуть на свою задницу штаны.

– Да вы, бл*дь, шутите! – ору на них. – Совсем охренели?! Это не притон, а больница.

Толкаю на них полку с анализами мочи.

Не успевая отскочить, Майкл падает и задевает стенд, который стоит позади него. Все анализы выливаются прямо на перепуганного анестезиолога.

– Что за херня, Дилан?! – орет он в ответ.

– Скажи спасибо, что я вовремя спасла тебя от триппера. Не так ли? – смотрю на растрепанную девку. Майкл ошарашенно молчит. – Иногда здесь медперсоналу охота прилечь на диван и отдохнуть, а не потрахаться. И шептаться надо было потише.

Открываю дверь и срываюсь на улицу.

Мне просто необходим глоток свежего воздуха.

Почти подхожу к выходу из больницы и вижу, как Келли озадаченно ходит из стороны в сторону.

– Джон, серьезно? Ты же говорила, вы друзья? – толкает меня плечом и следует за мной во двор.

– Мы и есть друзья, – по крайней мере, я так думаю.

Вспоминаю, как проснулась утром в своей постели. На мне было то самое платье, которое я надевала на ужин. Только туфли бережно стояли в углу. Джон даже заботливо укрыл меня пледом.

– Девочки из группы распускают слухи, что ты соблазняешь обоих братьев Коулменов, – Келли шепчет мне на ухо.

– С ума сошла? Ни один из них мне не нужен, – сажусь на скамейку, скрестив руки на груди. – Интернам нечем заняться, вот и сплетничают.

– Я думала, возможно, вы… – Келли нервно щелкает костяшками пальцев.

– Не делай так, а то заработаешь артрит, – своей ладонью накрываю ее руку. – Ничего не было. Мои родители решили свести нас с Джоном. Пригласили его на ужин к себе в гости. Потом мы поехали в бар, где я напилась. На этом все.

– Значит, родители… Ну, знаешь, может, они и правы. Джон неплохой человек. Спокойный, – вздыхает она.

– Он тебе нравится. Не понимаю, почему ты сидишь сложа руки и не действуешь? – в наших карманах начинает пикать пейджер. – Что еще такого могло произойти? – смотрю на остальных врачей и интернов.

Все они моментально срываются и бегут ко главному входу в больницу. Мы следуем за ними и в спешке подходим к собравшейся группе.

– В чем дело? – спрашиваю нашего кардиохирурга Ким Лэдженд.

– Перестрелка в спальном районе. Много жертв, в том числе несколько полицейских, – спокойно отвечает она.

В толпе начинают шушукаться.

– Соберитесь, тряпки. Мы не на рок-фестивале. Закрыли рты и сосредоточились, – потирает руки. – Хороший день, чтобы спасти чью-то жизнь.

Нас оглушают сирены машин, и, судя по звуку, их несколько. Они подъезжают одна за другой, и начинается расстановка.

Миссис Лэдженд, выставляя свою руку вперед, удерживает нас, внимательно слушая, где именно в этом хаосе находится ее пациент.

– Гарри Мур, сорок пять лет, с огнестрельным ранением в груди. Пульс нитевидный. Была остановка сердца. Потеряно очень много крови. Пуля прошла навылет, – говорит ординатор скорой.

– Барлоу и Брук – за мной. – Она быстро подлетает к машине скорой помощи с находящимся в ней полицейским. – Предупреждаю, никаких слез и соплей в моей операционной. Брук, ты поняла меня?

– Да, миссис Лэдженд, – тихо произносит Келли, при этом ее взгляд устремлен на истекающего кровью полицейского.

Доставляем его в операционную. Руки тщательно натираем антибактериальным мылом и трем их щеточкой. Ищу в халате свою шапочку для операционной.

– Твоя шапочка реально вся в единорогах, – шепчет Келли. – Где ты ее нашла?

– Папа подарил, – отвечаю я и вздрагиваю, когда крепкая рука миссис Лэдженд сжимает мое плечо.

– Разговоры о подарках оставьте на потом. Для начала спасем жизнь. И я надеюсь, это цветное дерьмо, что ты нацепила на голову, действительно волшебное.

Она натягивает свою темно-синюю шапочку и с закрытыми глазами начинает что-то шептать, будто читает молитву. Она делает так каждый раз, когда ситуация действительно критическая.

– Барлоу, сегодня ты ассистируешь.

Твою мать, вот это повезло.

В операционной уже сидит Майкл, погружая пациента в сон под общим наркозом. Проверяет параметры. На его лице ни единой эмоции. Никогда не могла понять, как у него это получается.

Иду следом за кардиохирургом и становлюсь справа от операционного стола.

– Барлоу, проверь свои перчатки на наличие разрывов. Заражение крови нам ни к чему. Что же, приступим.

После того как Майкл одобрительно кивает ей головой, Ким сосредотачивается на истекающем кровью человеке. Ловко делает надрез в грудной клетке примерно на двадцать сантиметров. Хирургической пилой частично рассекает грудную кость.

– Повезло, что пуля прошла навылет, – громко заявляет она. – Дилан, для чего нужно выполнять распил?

– Чтобы облегчить доступ к сердцу и найти причину кровопотери, – мгновенно отвечаю я.

В это время медсестры тряпками удаляют остатки крови пациента и устанавливают системы с донорской кровью.

– И каковы дальнейшие наши действия? – хмурится Ким, ковыряясь своими пальцами в хлюпающем кровавом теле.

– Мы должны подключить пациента к аппарату искусственного кровообращения для того, чтобы отвести кровь от сердца. Также нам необходимо найти здоровую артерию и создать новый путь в обход испорченной артерии, – четко произношу я.

В это время за моей спиной воспроизводят все то, о чем я только что говорила.

– Умница, Барлоу. Кардиология плачет по тебе, – на ее лице появляется счастливая улыбка. – Нашла. Зажим.

Я подаю необходимые инструменты. На самом деле это ужасное зрелище: грудная клетка человека раскрыта специальным держателем, похожим на домкрат. Я вижу, как сердце полицейского захлебывается в своей же крови, пока не наступает отток. Теперь мне отчетливо видна дыра в артерии.

Не отвлекаясь на лишнюю болтовню, Ким ловко делает свою работу. Убирает держатель и скрепляет грудную клетку проволокой.

– Дилан, зашей первоначальный разрез, – протягивает мне нить с иглой.

Старательно зашиваю полицейского. Он выжил, и это главное.

В его груди остались две трубки для вывода жидкости из области сердца. Жутковато.

– Поздравляю всех с успешной операцией. Брук, отвезешь пациента в интенсивную терапию, – устало опускает плечи миссис Лэдженд, по пути стягивая со своих рук перчатки.

– Это было круто, Дилан. Может, действительно кардио? – с волнением произносит Келли.

– Еще не решила. Встретимся на улице.

Медленно направляюсь к двери, проверяя перчатки. Слава богу, мои ногти подстрижены так коротко, что разрывов никогда не бывает.

Стягиваю шапочку и рассматриваю красивых единорогов. Возможно, они и правда волшебные.

В настоящий момент в больнице царит полный хаос. Все кабинеты забиты под завязку. Где-то слышны детский плач, причитание и даже рыдания. В такие дни каждый из докторов надеется, что смерть пройдет мимо него. Но, увы, все мы недолговечны. И как бы мы ни старались, людям свойственно умирать изо дня в день.

Выхожу за раздвижные двери больницы и устало плюхаюсь на скамейку. Мои руки трясутся после каждой операции. Это связано с притоком адреналина. Ничего не остается, как подставить свое лицо солнечным лучам.

– Слышал, операция прошла успешно, – Джон присаживается рядом.

– Да, мы очень старались. Ты с ним знаком? – поворачиваю голову в его сторону.

– Он мой напарник. Я был практически в секунде от того, чтобы схватить пулю в лоб, – качает головой. – Поверить не могу, что он заслонил меня собой. И я чертовски рад, что этот сукин сын остался жив.

– Ох, а я как рада. Его сердце было прямо перед моим носом в течение двух часов, – улыбаюсь я. – Спасибо, что снял с меня туфли и захлопнул дверь.

Джон внимательно следит за моими эмоциями.

– Спасибо за то, что тебя не стошнило в салоне моего автомобиля, – смеется он. – Мы останавливались каждые десять минут, и ты обещала, что наблюешь.

Мои щеки заливает краска стыда.

– В общем, было здорово, – протягиваю для рукопожатий свою кисть.

– Взаимно.

Он нежно сжимает огромной ладонью мою руку и дергает на себя. Затем хватает меня за плечи и, смеясь, лохматит мои волосы, пока я пытаюсь вырваться из его медвежьих объятий.

– Эй, прекрати, – хмурясь, толкаю его в грудь. – Я уже не маленькая.

– Еще какая маленькая. На твоем фоне я выгляжу стариком, – отпускает меня. – Покажи, где я могу найти своего напарника, повидать хотя бы его через стеклянные двери.

И когда он делает вид, что собирается защекотать меня, я резко вскакиваю на ноги.

Неужели оба брата такие придурки?

– Ведите себя прилично, мистер Коулмен-старший, – строго указываю на него и угрожаю пальчиком.

Глава 8

Кейн

Черт! Просто невероятно. Охренеть! Меня только что отшили самым откровенным способом. Смело заявляю: я кретин! На кой черт я поцеловал эту неудовлетворенную, напыщенную суку? Ответа ноль. Бл*дь, я реально облажался.

Несусь хрен знает сколько километров в час. Просто куда-нибудь подальше от больницы, от проблем, от всего… и от неё в первую очередь.

Глушу мотор.

Сейчас я нахожусь на небольшом закрытом пляже. На своем любимом месте, где никто и никогда не сможет доставать и отвлекать меня по пустякам. Это мое пространство, я люблю приезжать сюда, когда мне не просто плохо, а настолько паршиво, что хочется примитивно сжаться изнутри и исчезнуть… навечно, навсегда.

* * *

Мягкие прикосновения ладоней прикрывают мои глаза, и знакомый аромат окутывает меня с ног до головы.

– Малышка, я знаю, что это ты, – улыбаясь, я накрываю ее ладони своими руками и отвожу их в сторону.

– Ну, Кейн, так нечестно, – разочарованно говорит Эмма.

Я поворачиваюсь к ней и целую ее пухленькие сладкие губки. Обожаю их вкус.

– Девушка, – слегка отстраняюсь от нее, – вы арестованы! – легонько сжимаю ее руки и завожу их ей за спину.

– За что? – усмехается мне в лицо чертовка.

– За кражу моего сердца…

* * *

Эмма…

Здесь я должен поведать о своей первой несчастной любви, но у меня нет настроения. Могу только дать подсказку: ты доверяешь – тебя предают, ты веришь – тебя обманывают. Ты любишь – тебе изменяют. Вот и всё. И как тут не стать бессердечным ублюдком?

Прошло уже два часа, а поцелуй с докторшей не выходит у меня из головы.

Нет, нет… Это не то, что мне сейчас нужно. Возможно, всё это неправильно. Она дала мне ясно понять, что я не в ее вкусе – раз, скорее всего, она будет встречаться с Джоном – два, и три – я больше никогда не стану вляпываться в дерьмо под названием «отношения».

Не раз проигрываю в своей голове ролик с поцелуем, и мне становится смешно. Мой хохот разрезает окружающую меня тишину, и я ржу до слез над этой ахинеей, ощущая себя в полной заднице от ситуации с мисс Барлоу.

Ладушки. Спектакль окончен. Занавес. Пора брать себя в руки и немного отвлечься.

Мой мозг охватывает гениальная идея. Тянусь в карман за запиской, оставленной той горячей цыпочкой пару дней назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/follen_ellen/gorech-pepla

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить